

по следам

громких дел

Татьяна Степанова — подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло 50 романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный инстинкт» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Рodeo для прекрасных дам
Дамоклов меч над
звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки

Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулкa
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой
Циклоп и нимфа
Последняя истина,
последняя страсть
Перекресток трех дорог
Имеющий уши, да услышит
Великая иллюзия
Коридор затмений
Мойры сплели свои нити
Корень зла среди трав
Храм Темного предка
Четыре крыла
Занавес памяти
Красный жемчуг

КРАСНЫЙ
ЖЕМЧУГ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Красный жемчуг / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-230143-8

Чтобы вытащить невинного из заключения, необходимо найти настоящего преступника! Клавдий Мамонтов и Макар Псалтырников оказались в эпицентре сложного и многогранного расследования дела об убийстве их бизнес-компаньона Дмитрия Матвеева. Ведь именно в нем была ложно обвинена домработница Макара — Мария Гольцова. Преступление поражало чудовищной жестокостью — жертву в бессознательном состоянии бросили под колеса тепловоза! И все обвинения строились в основном на словах свидетеля, который видел, как Мария якобы толкнула Матвеева на железнодорожные пути...

Ангелы возмездия порой принимают поразительные обличья. Они маскируются, но свое дело знают. Можно избежать человеческого суда, уголовного... Но Высший суд неминуемо свершится и покарат за причиненное зло!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-230143-8

Глава 1

ПРОЩЕНИЕ?

Тьма крошечная. Не видно ни зги.

Тьма осязаемая, плотная, душная, будто деготь заливает горло, — и человек надсадно кашляет, словно подавившись тьмой.

Брошенный в подвал...

Запертый в нем...

Потерявший счет времени человек корчится на бетонном полу.

Вокруг холодные стены. Вытянешь руку перед собой и не увидишь ее. Царапай стены, колоти в бетон кулаком, кричи не кричи — нет ответа. И даже стоны растворяются в пустоте.

Жажда...

Горло иссохло.

— Выпусти меня!!!

Вопль вырывается из глотки узника подвала.

— Выпусти! Умоляю!

Тьма не отвечает.

Молчит, наливаясь ядом ярости.

— Выпусти меня!

Возгласы все слабее.

Нет сил...

— Прости меня...

Уже не плач, не вой — шепот.

Его и в двух шагах не слышно. А подвал — большой. Он — безжалостный грозный космос: бескрайний, беспредельный. Он — мрак и пустота.

— Прости меня...

Лязг. Скрежет.

Наверху вспыхивает яркий квадрат электрического света. Дверь подвала открыли.

Неужели услышали мольбу о прощении? Явно сторож подслушивал, приложив ухо к железу. Или просто совпадение?

В желтом свете видна крутая лестница, ведущая в подвал. Красное пожарное ведро с водой, выданное узнику.

А дальше — потемки.

— О прощении кланчишь?! **Простить тебя?** Мне?!

Страж задыхается от гнева. Его голос срывается:

— Нет тебе прощения! Сдохнешь! Ты сдохнешь!

Дверь с грохотом захлопывается. Защелкивается наружный замок.

Человек, замурованный в подвале, начинает тихо скулить, будто раненое животное, готовящееся к смерти.

Но жажда властно берет свое. Жажда — чисто телесное желание... Физическая необходимость, природный позыв... или последняя искра затухающей жизни?

Человек, привязанный за ногу, извиваясь, скользит по бетонному полу к пожарному ведру с водой.

Встает на четвереньки, наклоняет ведро к себе.

И начинает жадно пить.

Глава 2

ТО, ЧТО НЕ ПРИСНИТСЯ ДАЖЕ В КОШМАРЕ

— Я его не убивала! Отпустите меня! Я ничего не сделала!

Крик горничной Маши, окруженной полицейскими. Ее бледное полное лицо словно маска в свете станционного фонаря.

Макару почудилось: они все внутри жуткого сна. Ими завладел коллективный кошмар. Надо сделать усилие и пробудиться. Но... все вершилось наяву.

— Я его не толкала под поезд! Люди, люди! Я не виновата ни в чем!

— Отпустите ее! Руки прочь!

Горестный, полный муки и страха вопль горничной Маши. И в унисон ему — громовой раскат баритона Клавдия Мамонтова, рванувшегося к своим бывшим коллегам — полицейским, тащившим Машу прочь — в темноту, освещенную сполохами синих мигалок дежурных патрульных машин.

Макар схватил Клавдия за рубашку и с силой дернул назад, не позволяя ему натворить непоправимых глупостей. По гневному лицу друга он видел: Клавдий готов ввязаться в драку со своими бывшими коллегами из полиции и отбить у них горничную Машу.

— Остынь! — прошипел Макар, хотя... и его кулаки чесались. А горничная Маша взывала о помощи к ним:

— Помогите! Клава! Макар! Помогите мне! Я ж его не толкала под поезд!

Не поезд. Не товарняк. Один лишь громоздкий тепловоз — глыба-монолит на путях заброшенного перегона возле зеленых ветхих барачков и редких фонарей. Но и тепловоза хватило. Кровь на ржавых рельсах...

А в бурьяне возле железнодорожного полотна лежит нечто...

Бесформенное, жуткое...

Макар пока старался туда не смотреть. Он крепко держал вырывавшегося Клавдия Мамонтова, повторяя: «Не надо! Уймись! Только хуже сделаешь!»

Всего пять минут назад они с Клавдием в поисках Маши проезжали мимо зеленого здания железнодорожной станции Бронницы и почти дачной мирной платформы, пустой и безлюдной в столь поздний час. Станция располагалась

в нескольких километрах от города. Туда по шоссе мимо поместья Макара ходил автобус. Последний вечерний рейс в час двадцать, на него Маша, видимо, и успела, сбежав из дома темной ночью, в дождь...

А без пяти два ночи гувернантка Вера Павловна, разбуженная сигналом мобильного, буквально ворвалась в спальню Макара, колотя в его дверь. Макар спал вместе с младшим сыном — крохотным Сашхеном, его он всегда на ночь забирал к себе, укладывал в кроватку у окна. Полуторогодовалый Сашхен, свернувшийся клубочком под шелковым стеганым одеяльцем, к счастью, не проснулся. А полуодетая гувернантка Вера Павловна вытащила Макара в коридор и, потрясая мобильным, устремила к комнате домашнего секьюрити Клавдия Мамонтова, разбудила и его. Он задремал поздно, снедаемый невеселыми размышлениями, сожалениями и даже угрызениями совести.

Макару и Клавдию — ошеломленным, сбитым с толку — гувернантка Вера Павловна зачитала сообщение от горничной Маши, сбежавшей тайком этой ненастной августовской ночью из их дома на озере:

«Помогите мне! Я на путях в тупике у станции. Здесь сейчас на моих глазах жуть страшная случилась! Приезжайте скорее! Спасите меня!»

— Заброшенный тупик недалеко от станции. Она там всегда ходит через пути напрямик от автобусной остановки, когда тетку навещает в поселке, — сообщила Вера Павловна. — Она расстроилась сильно, разнервничалась и улизнула потихоньку. К тетке... Больше ей не к кому податься. Но что... **что** там могло произойти с ней в столь глухом и опасном месте? Среди ночи?!

К счастью, Макар был трезв.

Им многое выпало за день и вечер. И они все — домашние — потрудились на славу. Но! Макар удержался от стакана.

И трезвость его сыграла решающую роль в ситуации. Ибо Клавдий после сообщения о побеге горничной Маши несколько растерялся.

— Едем на станцию. В тупик. Сейчас же. Заберем ее оттуда, — скомандовал Макар. И добавил: — Подобно Золушке, она исчезла после бала.

Несколько необычное сравнение с Золушкой пятидесятилетней полной хлопотливой горничной Маши. Но, учитывая все прошлые события, предшествующие побегу, крайне точное.

Увы, в тупик они опоздали.

Хотя Макар гнал внедорожник на предельной скорости, а расстояние от Бельского озера, на берегу которого стояло поместье, до станции было не столь уж и велико, их опередили. У зеленого станционного здания уже были полицейские сирены. А в тупике возле железнодорожного полотна с ржавыми рельсами стояла, полыхая мигалками, патрульная машина. Полицейский узнал Клавдия Мамонтова, выпрыгнувшего из внедорожника, — бывший коллега, уволившийся со службы.

— Привет! А ты зачем сюда? — спросил он недоуменно.

— Жаров, здесь на женщину напали, да? — Клавдий бросился к патрульному. — Она жива? Где она?!

— ЧП на путях. — Патрульный — бывший коллега Мамонтова — взирал на него уже недоверчиво и подозрительно. — Вызов нам по рации — мы мимо ехали. Баба кого-то прямо на рельсы под товарняк толкнула. Ее свидетель засек и сразу позвонил в полицию.

— Никакого товарняка, — Макар зорко глядел в темноту, освещаемую редкими фонарями. — Лишь тепловоз на путях.

— А вы кто такой? — патрульный повернулся к нему. — А, я вас знаю. Вы из дома на озере. Хозяин поместья, — полицейский Жаров криво усмехнулся. — Вы с полковником Гущиным — большим начальником из главка — даже рабо-

тали вместе, да? В друзьях он у вас. Знает, с кем знакомство водить — с богатенькими. Вас обоих каким ветром сюда занесло?

— Моя помощница по хозяйству, она же няня моего сына, Мария, прислала нам тревожное сообщение. Мы решили: она попала в беду, на нее напали в тупике у станции. Мы примчались ее выручать, — пояснил Макар.

И в этот момент они и услышали полный ужаса и муки крик горничной Маши: «Я не толкала его под поезд! Я ни в чем не виновата!»

— Подполковник Лейкин здесь, прибыл на вызов, с ним разбирайтесь, — бросил патрульный.

Клавдий устремился к тепловозу, Макар за ним. Они увидели горничную Машу — мельком, в окружении патрульных, те загораживали ее. Она кричала, отбивалась от полицейских, трепыхалась, словно птица в силках, умоляла отпустить. И Клавдий моментально потерял над собой контроль...

— Только хуже... Только хуже сделаешь, Клава, — повторял шепотом Макар, клещом впиваясь в плечо друга, не позволяя ему ринуться отбивать Машу у полицейских. — И себе, и ей... Мы же пока ничего не знаем. Уймись! Не сходи с ума! Кулаками здесь ничего не докажешь. Если и тебя загребут, мне-то как быть?! Соберись! Мы должны сначала понять... разобраться в ситуации...

— Я виноват. — Клавдий перестал вырываться. — Все из-за меня.

— Мы даже пока еще не знаем ни черта! — шептал Макар. — Там, кажется, мертвец возле колес у рельс... Ох! Обрубок!! Сколько же крови... Человека поездом... то есть тепловозом задавило. Но здесь же заброшенный тупик! Откуда взялся тепловоз?

К ним вперевалку шествовал низенький полный полицейский офицер в форме с новыми подполковничьими погонами и в огромной фуражке с широченной тульей.

— Лейкин, — тихо произнес Клавдий. — При мне он за-
мом отдела материально-технического обеспечения пахал.
А сейчас, видно, перевелся на вышестоящую должность пе-
ред пенсией. Хозяйственник он крепкий, но в оперативной
работе — дуб дубом. От него сейчас все и узнаем.

— Если расскажет, — парировал Макар. У него появи-
лось дурное предчувствие...

Лейкин Клавдия тоже сразу признал.

— Мамонтов? — Он приблизился, но не протянул быв-
шему коллеге руку для пожатия.

— Покинули хозяйственный? — спросил Клавдий Ма-
монтов. — Местное отделение в Гавриково возглавили?

— Всякая рыба перед пенсией ищет где глубже. —
Приземистый Лейкин внимательно и остро разглядывал
высокого плечистого Мамонтова. — Помню-помню. Как
штурм-задержание, к тебе сразу: подсоби, Мамонтов! А ты
у меня никогда даже бронежилета не просил — всегда со
своей экипировкой элитной на штурм ездил. Кто с тобой?

— Мой работодатель Макар Псалтырников. Я охранник
его семьи.

— Слышал про вашего отче еще. Высокий ответствен-
ный пост занимал. А потом... *финита-трембита*... отравили
его. — Лейкин поднял светлые бровки-запятые, обраща-
ясь к Макару: — Дело резонансное было! На все Бронницы
и область. Вы и сами в наших местах человек заметный,
обеспеченный весьма и весьма. Женщина-то... подозрева-
емая в убийстве... она кем вам приходится?

— Подозреваемая в убийстве? — опешил Макар. — Да
она же ничего не совершила!

— На вопросик мой отвечайте, не увиливайте, — по-
просил Лейкин.

— Маша...

— Гражданка Мария Гольцова, — поправил его сразу
Лейкин. — Паспорт мои подчиненные у нее в сумке обна-
ружили.

— Маша много лет работала у моего отца помощницей по дому, — отчеканил Макар. — Вела все хозяйственные дела.

— Любовницей была вашего отца?

— Лейкин! — Клавдий Мамонтов сразу повысил голос.

— Дело житейское. Быт. А у нас убийство, — парировал подполковник Лейкин. — А ты бы, *Мамонт*, — он назвал Клавдия прозвищем, данным ему в полиции, — потише и повежливее себя вел. Кто ты теперь?

— Он ваш бывший коллега, много раз рисковавший жизнью при обезвреживании опасных преступников и раненный в руку при последнем задержании, — спокойно сказал Макар. — А Мария Гольцова никогда не состояла с моим отцом в интимной связи. В настоящее время она работает горничной и няней моего младшего сына Александра. Она — фактически член моей семьи. И я сделаю все, чтобы не оставить ее в беде. Сразу официально вам заявляю: толкнуть кого-то под поезд Мария Гольцова просто не могла в силу своего характера, натуры и воспитания.

— Мужик. Пополам его колесами рассекло. Торс. Ноги, — парировал хладнокровно Лейкин. — Час поздний. Место безлюдное. Я по поводу вашей уверенности в ее невиновности комментирую. Вдруг *сначильничать* ее хотел? Она защищалась. Ну и шваркнула его под товарняк.

Макар и Клавдий молчали. Факт. А им даже в голову подобная версия не пришла.

— Чего на свете не бывает, да? — усмехнулся философски Лейкин. — И не ждешь от человека, а он косячит... Жесть, одним словом.

— В отношении нашей Маши невозможно предположить даже убийство в рамках необходимой обороны от насильника, — твердо произнес Макар.

— Ее застигли на месте преступления. Свидетель ее видел. Он и позвонил в полицию. Мой наряд мимо станции

проезжал. Ее задержали с поличным. Увы, мужика-жертву не спасли.

— Кто свидетель? — хрипло спросил Мамонтов.

— Незачем вам знать, — отрезал Лейкин. — Уразумей, Мамонт, одно. — Лейкин вытащил из кармана мобильный, отыскал в нем сведения и монотонно процитировал: — Гражданка Гольцова Мария застигнута при совершении преступления или непосредственно после его совершения, и очевидец указал на данное лицо как на совершившее преступление. На основании статьи 91 УПК основание к задержанию гражданки Гольцовой налицо.

— Кто свидетель? — повторил Мамонтов, словно не слыша.

— Не скажу тебе сейчас, — Лейкин покачал головой.

— Иван Иванович, ты ж не спец в оперативке, ты великий хозяйственник, рачительный, — Мамонтов, отбросив церемонии, тоже обратился к подполковнику на «ты». — Мы с Макаром тебе посодействуем. Я помогу всем, чем располагаю. Ты раскроешь убийство. А вдруг это несчастный случай? Но все равно. Ты перед пенсией получишь большую фору.

— Я уж было хотел на транспортный отдел стрелки перевести. — Лейкин вновь тяжело, разочарованно вздохнул. — Железная дорога ведь. Так нет — тупик проклятый заброшенный! Наша подведомственная территория, оканчивается. Давно не работающий перегон. Им в последний месяц из-за ремонта на путях стали пользоваться. Маневрировать тепловозами. Чего она здесь искала-то среди ночи? Ваша гражданка Гольцова?

— Ее тетка восьмидесяти лет живет сразу за тупиком, — пояснил Макар.

— В Кисловке? — Лейкин снял фуражку с огромными полями, смахивающую на панаму с кокардой, и вытер ладонью пот с бритой под ноль головы. — Вроде всего один дом в Кисловке обитаем, остальные жителями давно покинуты.

— Тетка Маши в том доме и живет, наотрез отказалась куда-то переезжать после смерти мужа. Они оба Машу вырастили. У тетки хозяйство: куры, коза. Маша в свои выходные часто тетку навещает и ходит всегда через заброшенный тупик — напрямик к дому от автобусной остановки.

— Можно нам с Марией переговорить? — хрипло спросил Клавдий. Он вновь словно и не слышал диалог Макара с Лейкиным.

— Нет, — отрезал полицейский.

— Иван Иваныч, ты ж меня знаешь. Помнишь.

— Даже если бы ты служил сейчас в органах, я б тебе все равно не позволил. Закон есть закон. А сейчас ты кто?

— Ты меня знаешь, помнишь. Дай мне с ней поговорить! — Клавдий Мамонтов сгреб подполковника Лейкина за грудки и приподнял, наклоняясь к нему. Лицо его искажилось.

— Клава! — заорал на него Макар. Он не на шутку испугался последствий. — Немедленно отпусти его!

Мамонтов разжал хватку. Оттолкнул от себя Лейкина. Тот побагровел. Тяжело дышал.

— Пожалуйста, простите его! — горячо взмолился Макар. — Все еще последствия его ранения дают о себе знать. Он порой неадекватен. Но он же ваш бывший сослуживец. Ваш прежний коллега! Его чуть не убили! В него стреляли!

— Первый и последний раз, Мамонт! Спущу хулиганство твое! Первый и последний! — Красный, злой Лейкин грозил указательным пальцем. — Грабли свои приberi. Она что, его пассия-зазноба? — резко обернулся он к Макару. — То-то он кобелем гавкает.

— Нет-нет! — пламенно заверил его Макар. — Она няня моего младшего и дом весь наш ведет. Между ними ничего такого... романтического. Да она и старше нас гораздо.

Клавдий бросил на него испепеляющий взгляд. Но Макар подготовился. Он тоже вскинул руку и погрозил другу пальцем:

— Клавдий, молчи! Ни слова больше!

— Среди ночи в непогоду... Сейчас моросит, но лило ведь как из ведра, — констатировал Лейкин. — Поскакала ваша Маша тетку-старуху навещать. А вы вдогонку за ней? Не усеку я логики событий.

Макар понял: надо показать Лейкину Машино сообщение. К счастью, Вера Павловна сбросила его Макару. Он вытащил айфон и показал недоверчивому полицейскому. Лейкин читал скучные строки долго и старательно. И даже шевелил губами. Внезапно у него самого зазвонил мобильный.

— Зая? Не спишь? Я до утра здесь завис, следака ждем... Убийство, ни дна ему ни покрывки... Магазин сама в восемь откроешь. Товар доставят с Рязани, примешь. Все проверь! Особенно тазы пластиковые — все ли в наличии по накладной. Не волнуйся, Зая, со мной порядок. Работаю! Магазин целиком на тебе завтра. — Голос Лейкина потеплел, в нем слышались деловитые и одновременно нежные обертоны.

— Магазин хозяйственных товаров вашей благоверной на трассе у рынка? — уточнил Клавдий.

— Ты, Мамонт, в охранники к миллиардеру подался за длинным рублем, а бизнес моей жены — для нас подушка безопасности, чтоб не обнищать на пенсии грошовой. Или ты насмехаешься надо мной сейчас? — Дав супруге отбой, Лейкин мгновенно посуровел.

— Правильно сделали, организовав жене мелкий бизнес, — одобрил Макар. — Сплошь и рядом подобное у стражей порядка — он бдит, себя на службе не шадит, а она торгует, капитал сколачивает на старость. На отдых пенсионный в Дубае.

— Ваша Мария Гольцова прислала вам в 1.55 весьма сумбурное и малопонятное сообщение, — прокомментировал Лейкин прочитанное. — А вы оба мне многое недоговариваете.

— Маша постоянно занята сейчас с моим младшим сыном. У нее нет времени отлучаться днем из дома из-за не-